

"Вокруг света" №
1989 г.

А. СИМОНЕНКО,
кандидат исторических наук
Фото Г. ЛЫСЕНКО

ИНИСМЕЙ, ЦАРЬ САРМАТОВ

В конце октября 1984 года директору Института археологии АН УССР позвонил начальник экспедиции Винницкого краеведческого музея Борис Иванович Лобай. Он сообщил, что обнаружены богатые сарматские захоронения, а золотые изделия требуют срочной консервации прямо в поле, и попросил прислать реставратора и специалиста по сарматам.

Спешка, однако, объяснялась не только найденным золотом. Дело в том, что сарматы — ираноязычные кочевники, обитавшие с III века до нашей эры по начало IV века нашей эры в степях от Урала до Дуная и отеснившие с территории современной Украины скифов, — до сих пор во многом остаются загадкой. И если на Волге, Дону и Кубани их погребения исчисляются тысячами, то в наших степях они более редки. И уж совсем единичны у нас захоронения, знали.

Два самых богатых из сарматских погребений Украины — Соколова Могила на Южном Буге и Ногайчинский курган в Крыму — были исследованы в 1974 году. И вот ровно через десять лет — опять захоронения знали, целых три — у Михайловки в Одесской области, Чугуно-Крепинки в Донбассе и здесь, в Порогах.

Первым, кого я увидел на раскопе, был солдат с автоматом — охрана. Навстречу нам вышли сотрудники экспедиции, мы едва поздоровались и поспешили к центру раскопа, где виднелась обширная яма, огороженная веревками.

Погребение было совершено в катакомбе — подземной камере, выкопанной в стене входной ямы. Вход в нее был заложен камнями. Свод камеры обрушился еще в древности, и потому камеру вскрыли сверху. У стены, ближе к углу, стоял деревянный сарко-

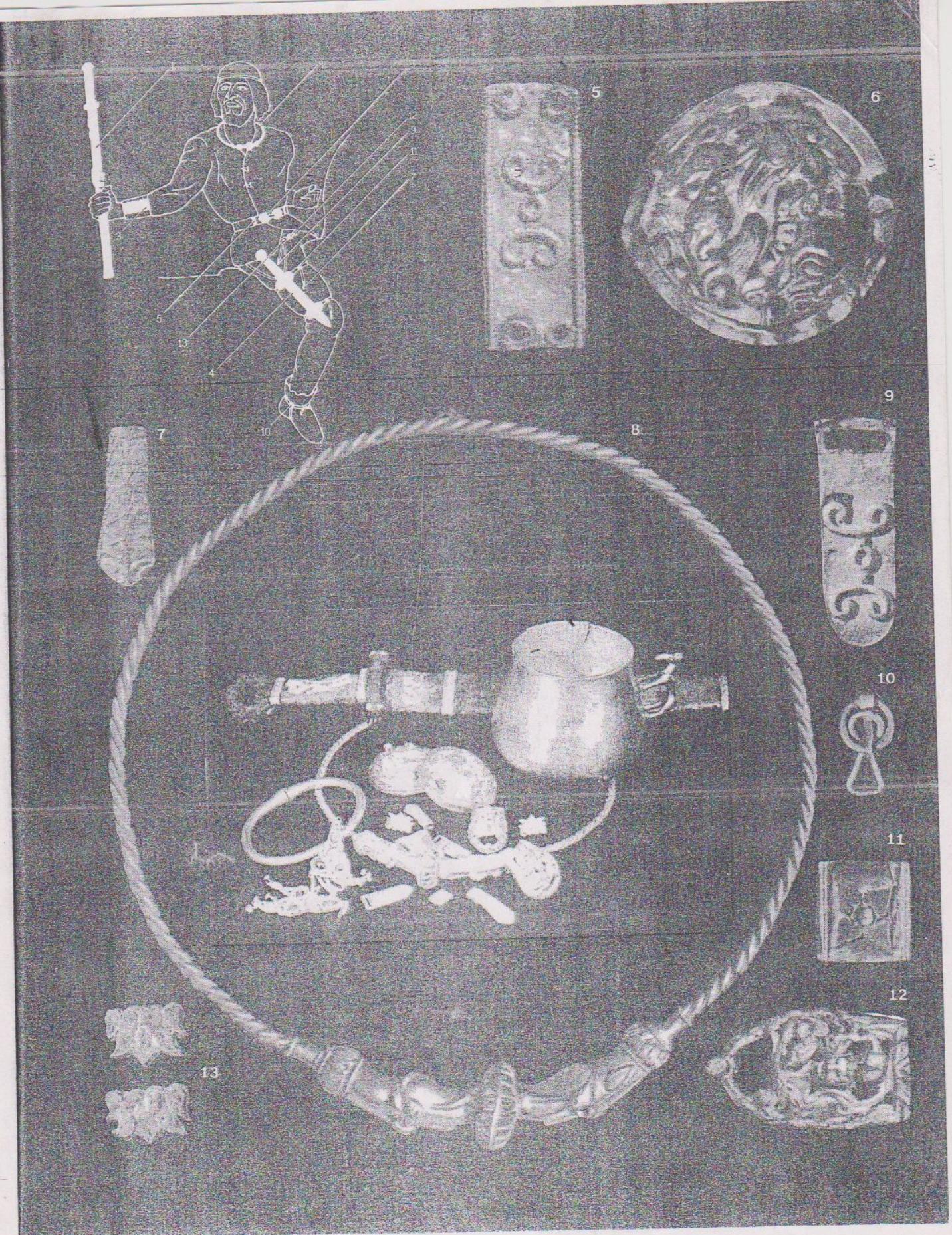
На рисунке, выполненному художником В. НЕВОЛИНЫМ, реконструирован облик сарматского воина по материалам раскопок захоронения в Порогах. Конский убор реконструирован по материалам раскопов Е. И. Беспаловым могильника Дачи близ г. Азова. 1936 г.

Автор реконструкции А. СИМОНЕНКО.

На пам'ять Диміску
Мелетіюковичу чеснечки
біль автограф
и. Диміль
15.11.2014

Диміль

фаг. Стенки его истлели, осталась лишь одна поперечная, в головах. В центре ее было вырезано круглое отверстие, закрытое деревянной пробкой. На дне саркофага лежал скелет воина. По грациальным костям черепа и конечностей можно было сразу определить, что этот сармат был строен и красив. На дне саркофага виднелись остатки кожаной одежды ярко-красного тона, и на фоне их на груди и руках пронзительно поблескивали золотые трубочки, которыми была расшита одежда. У плеча лежала массивная золотая гривна — шейный обруч из двух перевитых проволок, оканчивающихся удивительными по выразительности головками лошадей, упирающимися в ажурное кольцо-замок. Горбоносые морды, тяжелые скруты и стоячие гривы передавали облик степной лошади. Длинные, прижатые к массивному затылку уши были инкрустированы голубовато-зеленою бирюзой, так хорошо смотрящейся на теплом фоне золота, а посреди молочно-белого яблока «сорочьего» глаза лошади на меня злобно и недоверчиво глядел карий зрачок. Длина головок животных была не более пяти сантиметров, а диаметр глаза — всего пять миллиметров.

Такая же тяжелая горбоносая морда, костистые ноги и мускулистый круп степняка предстают в виде ручки невысокого серебряного кубка. Вся фигурка величиной не более спичечного коробка. Поистине «враг, сильный конем», как писал о сарматах Овидий!

Похороненный здесь сарматский воин носил на левой руке массивный золотой браслет с расширяющимися концами. А на правой — для меня что-то совершенно новое — плоскую золотую пластинку, покрытую орнаментом. Сейчас она лежала под локтевой костью у запястья. Мы не сразу догадались, что украшение это — щиток, прикрывавший кисть от удара тетивы лука, но, так сказать, парадный вариант. Такие щитки на древнеиранском языке назывались «гастана». Значит, покойный был левша! Только левша держит лук в правой руке.

Кафтан, расшитый золотом, был застегнут на груди двумя серебряными фибулами — прототипами современной булавки. В то время фибулы были очень модны, типы их часто менялись, хорошо изучены, и для археолога фибула — неоцененный датирующий материал. Так и эти сразу подсказали нам дату захоронения — последняя четверть I века нашей эры.

Наиболее впечатляющими находками были два пояса. От них сохранились маленькие фрагменты кожи и металлические детали — гарнитура. Один из поясов, из красной кожи, подпоясывал кафтан. С двух сторон на нем были закреплены узкие золотые пластинки со знаком (о нем мы поговорим позднее), а застегивался он двумя массивными мастерски изготовленными круглыми пряжками. Железная основа каждой пряжки была обтянута золотой пластиной, на ко-

торой изображена схватка двух грифонов — мифических крылатых существ с головой дракона и телом льва. Расположив фигуры грифонов по кругу, древний ювелир изобразил их вцепившимися зубами друг другу в круп и терзающими противника когтями передних лап. Головы и крылья чудовищ помещались в середине композиции. Особенно тонко были проработаны зубы, глаза, когти, оперение, мускулы, подчеркнутые вставки из бирюзы и голубой пасты.

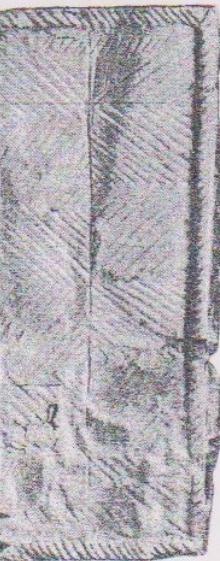
Чуть ниже талии воина лежали бляхи другого пояса, портупейного, который носили на бедрах. Он был из кожи зеленого цвета с золотыми пряжками, к которым пристегивался меч. По стилю и исполнению он похож на те, что были найдены в некрополе Тилля-Тепе в Афганистане. По обе стороны от пряжек были приклепаны две золотые бляшки в виде цветка лотоса, от них вниз свисали ремешки с золотыми наконечниками. И бляшки, и наконечники инкрустированы голубой пастой, а на одном из них находился уже знакомый по первому поясу знак. На пряжках изображена в высоком рельефе, несомненно, сцена из героического эпоса: мужчина с мускулистым торсом держит за задние лапы двух грифонов, терзающих третьего. Тела их расположены по краю рамки пряжки, а центре — пантера. Прищуренные глаза и хищный оскал зверя, шея напряжена, уши злобно прижаты — все это как-то не вяжется с торжественным и даже бесстрастным выражением лица человека. У него отчетливо монголоидные черты, небольшой завиток волос на затылке, широкий приплюснутый нос, несколько отсутствующая улыбка — типичный восточный божок.

И здесь, как на первом поясе, фигуры грифонов были украшены вставками из бирюзы. Использование цветных вставок из драгоценных камней и других минералов — характерная черта ювелирного стиля сарматской эпохи. К поясу прикреплен короткий меч — по сарматскому обычаю с правой стороны. Рукоять и ножны его, обтянутые красной кожей, были украшены изящными узкими золотыми пластинками со вставкой из голубой пасты. На рукояти и устье ножен, кроме того, помещались отштампованные из тонкой золотой фольги фигуры львов. А чуть ниже центра ножен, на золотой пластинке — опять знак! Наконечники ремней, фиксировавших меч на бедре, как бы составляли один гарнитур с украшениями ножен — те же вставки, тот же стиль. Великолепный и очень редкий образец парадного сарматского оружия...

Однако более всего в этом полном неожиданностей погребении удивило остальноё вооружение воина. Гуннский лук, усиленный костяными накладками — редчайший атрибут сарматского захоронения, но вполне обычный для могил среднеазиатских воинов-гуннов Забайкалья и Монголии. В колчане среди типично сарматских наконечников стрел находились

НАХОДКИ ИЗ САРМАТСКОГО ЗАХОРОНЕНИЯ В ПОРОГАХ.

1. Парадный сарматский меч, найденный в захоронении фракийского воина в Болгарии.
2. Фракийский боевой нож.
3. Гастана — пластинка, защищающая руку от тетивы лука.
4. Бляшки с тамгой Инисмея на поясе.
5. Бляхи-застежки на поясном ремне.
6. Грифна — шейный обруч.
7. Наконечники портупейного ремня.
8. Наконечники портупейного ремня с тамгой Инисмея.
9. Пряжки, скрепляющие ремни на сапогах.
10. Пластины на портупейном ремне.
11. Бляхи-застежки на портупейном ремне.
12. Бляхи-застежки на портупейном ремне.
13. Бляшки на портупейном ремне.

В.Неволин
— 88

среднеазиатские и гуннские — последние не спутаешь ни с чем. Наконец, длинный боевой нож — оружие, практически неизвестное сарматам, но вполне обычное для их западных соседей — кельтов, гетов и фракийцев...

Так кто же он, этот богатый и знатный воин — сармат, гунн или фракиец? Совокупность признаков говорила — сармат. И один из них особенно важный — знаки на поясах, на мече, на гривне и серебряной чаше — сарматские тамги. С первого взгляда было ясно, что между ними есть тесная связь. Все они имели общий элемент — кольцо, от которого отходит вертикальная черта, а перпендикулярно ей расположен С-видный завиток — тамга царя Иниисмей!

Иниисмей считался позднескифским царем, установленным в конце I века нашей эры протектором над Ольвией. Там и чеканились его монеты, на которых были нанесены подобные тамги. Чуть раньше, в 60-х и 70-х годах, по тем же причинам Ольвия чеканила монеты царя Фарзоя. Странно, однако, было то, что в ольвийских документах ни Фарзой, ни Иниисмей не упоминались. Одесский ученик П. О. Карышковский, вслед за ним ленинградец М. Б. Щукин предположили, что и Фарзой, и Иниисмей были не скифскими, а сарматскими властителями. Основанием для этой гипотезы послужило, помимо «молчания» источников, наличие на монетах обеих царей тамгообразных знаков, характерных для сарматов. Спор учёных затянулся, и вот сейчас археологический материал блестяще подтвердил гипотезу П. О. Карышковского и М. Б. Щукина.

Я постоянно возвращался к этим тамгам. Какая-то догадка смутно брезжала в сознании, не давала покоя, но никак конкретно не оформлялась. Отсутствовало связующее звено. Я еще раз перебрал в памяти все семь тамг и вдруг понял — вещи! Вещи, на которых они нанесены, — вот общий знаменатель, то самое связующее звено! Меч, пояс, чаша, гривна...

Известно, что меч у ираноязычных кочевников, кроме основной своей функции, имел и другие. Он был олицетворением бога войны. Геродот писал, что скифы сооружали жертвенник из хвороста, вонзали в него древний меч и поклонялись ему. Родственные скифам сарматы должны были иметь сходные идеологические представления. И действительно, римский историк Аммиан Марцеллин сообщает: «Аланы (одно из сарматских племен. — А. С.) вонзают в землю меч и поклоняются ему, как Марсу». Кроме того, меч был социальным символом, знаком принадлежности к воинам — высшему сословию, из которого происходил сам царь.

Теперь — пояс. В самом древнем индийском сборнике гимнов и возванный Ригведе описывается обряд Упанаиня (опоясывание) как традиционный акт возведения к власти. Судя по всему, он существовал еще у общих предков скифов и сарматов — индо-иранских племен. По одной из ле-

генд о происхождении скифов, Геракл оставляет матери своих сыновей лук и пояс с условием: царем скифов станет тот, кто сможет натянуть его лук и опоясаться поясом (заметим, что в нашем погребении найден и лук). Значит, не случайно на золотых пластинах обеих поясов поставлены царские тамги! Перед нами не просто деталь костюма и портупеи, а символы власти, знаки царского достоинства.

У меня захватило дух. Ведь это прямой выход на реконструкцию сарматских героических преданий, их мифологии! Легенды скифов, переданные нам Геродотом и другими античными авторами, — предмет давнишних и упорных изысканий и дискуссий. А сарматам «не повезло» — кроме легенд об их происхождении от браков скифов и амазонок, до нас не дошло никаких сведений, проливающих свет на существующие у этого народа традиции, культуру.

Теперь найденная чаша предстала передо мной в ином свете. Подобных такой чаше известно еще три, две золотые и одна серебряная — из курганов на Нижнем Дону. А теперь вспомним — на пояссе Геракла была подвешена чаша. Все знатные скифы времен Геродота носили у пояса чашу — царская чаша с вином была наградой воину, убившему первого врага... Выходит, и сарматские чаши такого типа не были просто драгоценной посудой. И как последнее подтверждение этой мысли — тамги Иниисмей и его рода на днице и ручке нашей чаши!

Наконец, гривна — опять-таки не просто драгоценный предмет, а символ знатности, принадлежности к аристократическому роду, своеобразный «дворянский герб». И тут царская тамга была помещена не случайно, ведь царь был «первым среди равных». Да, тамги неоспоримо подтверждают, что Иниисмей был действительно царем сарматов.

А вслед за этим пришла и другая мысль — уж не сам ли Иниисмей похоронен в этом кургане? В практике курганной археологии случаев идентификации покойника с конкретным историческим лицом почти не было. Слишком скучны источники на этот счет — не то, что, скажем, в Древнем Египте: вот вам пирамида Хуфу, вот гробница Тутанхамона — все написано чуть ли не на дверях. Ни скифы, ни сарматы собственной письменности не имели, и «помощи» с их стороны ожидать не приходилось. В свое время предположили, что знаменитый Чертомыр — усыпальница царя скифов Атея, о котором повествуют источники. Есть гипотеза о том, что в каменной гробнице мавзолея Неаполя Скифского в Крыму похоронен позднескифский царь Скилур; недавно греческие археологи раскопали богатейшую могилу знаменитого царя Филиппа, отца Александра Македонского — вот, пожалуй, и все. Неудивительно, что мысль о принадлежности захоронения именно Ини-

смею показалась нам немного крамольной. Ведь такие вещи нужно доказывать. Правда, царские тамги являются сильным аргументом — вряд ли священные пояса, меч, гривна, чаша со знаками Иниисмей принадлежали другому лицу. Эти вещи, как мы убедились, слишком значительны, чтобы их дарить или продавать.

Несколько смущало то, что собственно Иниисмееевы тамги были только на поясных пластинах и на дне чаши, причем верхняя часть знаков на мече, гривне и ложадке-ручке имеет несколько иной рисунок. Как известно, в сложных царских тамгах неизменяющаяся нижняя часть была родовым, фамильным символом, а изменяющаяся верхняя — именным. То есть на некоторых тамгах рода Иниисмей нижняя, родовая часть, общая, а верхняя, именная — различна. Вряд ли это были имена других людей. Возможно, Иниисмей имел несколько имен — тронное, воинское, греческое. Такие случаи нередки в индо-иранском мире.

Сильным аргументом в пользу этой версии является и время захоронения. Известный специалист В. А. Авохин полагает, что монеты в царствование Иниисмей датируются 78—79 годами I века нашей эры. Как и наше захоронение. Лук тоже является знаком царской власти. Луки в скифских и сарматских могилах практически неизвестны — и это при том, что скифы и сарматы славились как непревзойденные лучники. В чем же дело? Известный знаток оружия и скифолог Е. В. Черненко обратил внимание на то, что лук фигурирует в этнографической легенде скифов (гомилие на вакас Геракла — царем станет тот, кто натянет лук?) и, стало быть, являлся священным предметом. В этом же убежден и этнограф Д. С. Раевский. Е. В. Черненко предположил, что лук передавался по наследству, как тот, первый, Гераклов. В скифских погребениях найдено всего два лука, в то время как наконечники стрел имеются почти в каждой могиле.

А теперь вернемся к Фарзою. Его монеты непосредственно предшествуют Иниисмееевым. Знаки на тех и других удивительно схожи — тамгу Иниисмей от тамги Фарзоя отличает лишь кольцо в центральной части. Без сомнения, они были родственниками. Более того, анализ этих тамг в сравнении с тамгами боспорских царей из сарматских династий позволил предположить, что Фарзой был отцом Иниисмей. И вот сейчас начинается самое интересное. Тамги, подобные Фарзоевым, найдены на Волге, в прикаспийских степях, и восточнее, в Приаралье, там, где согласно Страбону обитало сарматское племя аорсов. А во второй половине I века нашей эры Плиний Старший отмечает этих же аорсов где-то близ Дуная, не исключено, что на Днестре — точнее сказать трудно. Если же сопоставить все эти данные с находкой в Порогах вещей явно среднеазиатского происхождения, напрашивается вывод: уж не Фарзой ли пришел сюда во главе аорсов со своей

далекой родины, и не от отца ли в наследство получил Инисмей свои пояса, лук и колчан — оружие предков?

Конечно, это всего лишь гипотеза, она имеет свои «за» и «против», и трудно пока сказать окончательно, истинна ли она.

Наконец, еще одна ниточка, потянувшаяся из этого удивительного клубка. В конце 60-х годов в Болгарии, в кургане Рошава Драгана, было найдено захоронение фракийского аристократа, офицера римской службы. Относится оно к тому же времени, что и захоронение в Порогах. Среди многочисленного инвентаря — богатой посуды, доспехов, оружия — там был найден парадный сарматский меч с китайской нефритовой скобой на ножнах. Так вот, на его ножны и золотое навершие рукояти были нанесены тамги, и среди них — тамги Инисмей! А теперь вспомним: в Порогах был найден фракийский боевой нож. Сарматы воевали с римлянами на Дунае (и за Дунаем) в конце I века нашей эры. Может быть, тогда и попал сарматский меч к римскому офицеру — фракику, а фракийский нож — к сарматскому царю?

Вполне возможно, что это произошло так...

Легкий утренний туман поднялся над плавнями и тут же улетал, сдуваемый свежим восточным ветерком. Тура¹ стояла в боевом порядке, молча и совершенно неподвижно — лишь кони иногда взмахивали головами, отгоняли пронесущихся слепней. Чуть впереди, на крупном рыжем фессалийском жеребце сидел центурион Флавий Ситалк. Рядом переминался с ноги на ногу невзрачный сарматский конек переводчика.

«Поезжай, центурион, и встреть варвара так, чтобы он видел, что перед ним императорский офицер!» — передразнил про себя Ситалк легата². Они видели императорских офицеров прошлой зимой, эти варвары с воем вонзали в их спины колья, рубили длинными мечами, а те лишь нахлестывали коней, как на скакчак в Истрии... Хвала богам, что неожиданно настала оттепель, дороги превратились в реки грязи, и привычные к невзгодам фракийские всадники Ситалка с трудом оттеснили обремененных добычей сарматов за Истр. Много их утонуло в полынях, много погибло под ударами спат³, но и фракицам пришлось туда... Боги, что за ветер!

Фракиец, фракиец... Офицер оксиляриев⁴ римской армии, центурион, предводитель рода, но — варвар. И что с того, что его фессалийский жеребец дороже всех кляч пятого Македонского легиона, где офицеры — сплошь уроженцы Лациума⁵, что с того, что шлем с серебряной маской сработан в самом Риме и он отдал за него двух молодых и ослепительно красивых сарматок! Виллу под холмом строил архитектор-римля-

нин, мозаики клали художники-римляне, жена завела в доме порядки не хуже капуанских⁶, дорогая посуда, мебель и ткани — тоже римские. Она и в постели говорит только на латыни, толстая глупая гусыня. А он так любит иногда прийти в людскую и поесть просяной каши из простого горшка и услышать трубоватую и такую милую фракийскую речь...

Конь фыркнул, поднял голову, направился, насторожил уши и заржал, содрогаясь всем телом. Тут же в ответ донеслось недалекое хрюление, на высокой ноте ржание. И Ситалк увидел всадников. Один, два, четыре, еще двое... Наконец весь отряд, числом не менее сорока, вытянулся по узкой полосе вдоль сплошной стены камыша, резвым галопом приближаясь к пригорку, где стоял Ситалк. Вот и сарматы...

Инисмей, взглянув на выстроенную по уставу турму, лукаво улыбнулся:

— Смотри, Урузмаг, встреча с врагом лицом к лицу.

Урузмаг не принял шутки, хмуро пробасил:

— Это фракийцы, они никогда не показывают спину. Они не прислали римлян, государь, это оскорблечение, поворачиваем обратно.

— Ну, успокайся, худой мир лучше добродушной ссоры. Фракийцы, римляне — мы били и тех и других, а сейчас нужен мир, кони наши устали, кругом вода, и мы не сможем воевать по обычному предков. Не грусти, Урузмаг, — продолжал, улыбаясь, царь, — летом наши лошадки хорошо подкормятся, отдохнут, а когда северный ветер⁷ превратит воды Дунай⁸ в лед, мы еще пожалуем к ним, проверим, хорошо ли хранится урожай в кладовых!

Ситалк следил за приближавшимися сарматами. Этот, впереди, на гнедом коне, в красной замшевой одежде, украшенной золотом — не царь ли? Уже можно было разглядеть смуглое молодое лицо, обрамленное небольшой черной бородкой, густые волосы сквачены золотой лентой — царь! Он красив, этот сармат, и так ловко сидит верхом, впрочем, они все великолепные всадники...

Сарматы остановились нестройной толпой шагах в тридцати. Постояв, царь и немолодой воин на чубаром коне (шрам на левой щеке воина выделялся багровой полосой, терявшейся в густой бороде) шагом двинулись вперед. На секунду позже — но позже! — тронул коня и Ситалк, чуть махнув рукой переводчику. На ходу тот прошептал:

— Это сам Инисмей, господин! Это великая честь!

— Помолчи. Он что, левша? Гастаг на правой руке, смотрю.

— Да, господин, это великий воин!

— Он был прошлой зимой? Это он убил Агриппу⁹?

— Да, господин.

— Тогда я его помню.

Ситалк помрачнел. Он вспомнил преследование на льду Дунай¹⁰, вспомнил, как от его алы¹¹, осталась едва половина. Шевельнувшаяся на минуту симпатия к этому юноше исчезла, осталась только злость воина.

Они съехались.

— Центурион Флавий Ситалк приветствует тебя, царь!

Переводчик заговорил — по-сарматски это получилось длиннее. Инисмей молча смотрел на центуриона, и во взгляде его сквозило, пожалуй, любопытство. Его спутник выглядел гораздо сердитее. Он и ответил Ситалку.

— Привет и тебе, центурион. Великий царь аорсов, роксоланов и Ольвии готов выслушать тебя.

— Я скажу только то, что он знает и сам. Рубрий Галл, легат Нижней Мёзии, позволит вам уйти за реку. За это вы не должны больше тревожить наших границ. Пусть не гневается царь, — голос Ситалка смягчился, — но фортуна сейчас не с ним. Легат велел передать, что чтит в нем великого воина и знает, что слово Инисмей нерушимо. Сарматы храбры, но у нас сил больше. Ни к чему лить кровь великих воинов. Легат дает вам два дня, — уже высокомерно закончил Ситалк.

Два дня... «Он наверняка знает, — тревожно подумал фракиец, — что у нас нет ни одной турмы полного состава. Правда, и сарматам крепко дотаскали, вряд ли они захотят продолжать войну. Внезапность набега уже утеряна, а добычу они все равно переправили на ту сторону. Сейчас важно убедить их, что мы сильнее»...

Заговорил Рузмаг. Ситалк, слушая переводчика, улавливал знакомые гортанные сочетания.

¹ Тура — кавалерийское подразделение римской армии.

² Легат — командир легиона, один из высших чинов римской провинциальной администрации.

³ Спата — длинный меч римского кавалериста.

⁴ Оксиллярии — вспомогательные части римской армии, формировавшиеся из населения провинций.

⁵ Ациум — исторический и географический центр Римского государства, на его территории расположен Рим.

⁶ От названия г. Капуи — одного из политических и культурных центров Римской империи.

⁷ Дунай.

⁸ Луций Фонтий Агриний, легат Нижней Мёзии в 58—69 гг. н. э. По сообщению Корнелия Тацита, погиб во время сарматского набега.

⁹ Ала — кавалерийское подразделение римской армии.

— Великий царь Инисмей повелевает тебе, центурион, передать легату: нам больше нечего взять в его стране. Бог меча удовлетворен, и мы уходим домой.

Внезапно Инисмей высоким голосом перебил Урузмага. Проговорив несколько слов и указывая на Ситалка, он неожиданно улыбнулся. Переводчик бесстрастно сказал:

— Великий царь говорит, что у тебя грустные глаза. Не оттого ли это, что у вас больше сил?

Всё-таки он догадался... Значит, опять война?

Но тут опять раздался голос Инисмей.

— Великий царь предлагает тебе дружбу. Он говорит, что по сарматскому обычаю нужно обменяться оружием предков. В ножах. Голый меч присыпают врагу или посвящают богу.

Царь обернулся к Урузмагу. Тот отцепил притороченный у седла длинный меч и протянул его Инисмью.

Фракиец растерянно огладил себя. Шлем и спата римские, доспех из Галлии — что же свое? Тогда он решил — отцепил от пояса длинный боевой нож в простых кожаных ножнах, нож, который носили его отец и дед, посвященный богу грозы, и протянул его сарматам.

Инисмей, наклонившись с седла, одной рукой схватил нож, второй подал Ситалку меч. Центурион резко потянул его на себя, конь, испугавшись, дернул головой и отпрянул, круто повернувшись на задних ногах.

Ситалк привел в чувство коня, вновь принял гордую позу. Царь сарматов поглядел на нож, на центуриона и, теперь уже откровенно смеясь, что-то проговорил.

— Великий царь говорит, что верит в чистоту твоих чувств. Ты честно отдал ему единственное оружие предков, которое есть у тебя. Все остальное римское.

Едва переводчик закончил, сарматы разом повернули коней и помчались к своему отряду.

...Ситалк долго рассматривал меч. Красные кожаные ножны оканчивались золотой пластинкой с изображением оленя, глаза, уши и копыта которого неизвестный мастер сделал из бирюзы. В центре ножен — изящная скоба из зеленовато-белого прозрачного камня, а на ней искусно вырезан трифон со змеиным телом и широко разинутой пастью. Длинная ручка увенчана золотым диском. По краю его шли знаки, один из которых показался Ситалку знакомым. Да, так и есть — монета. Монета этой коварной, непостоянной Ольвии, которую он совсем недавно держал в руках, — маленький серебряный кружок с профилем царя и надписью «Базилевс Инисмей».

Центурион поднял глаза. Весенний ветер шевелил траву, по которой тянулась темная дорожка. До него донесся заикающийся конский топот. Флавий Ситалк повернул коня и медленно поехал к ожидающей его турме.

ный науке гигант времена от времени перебирается с материка на материк и объявляется то на Аляске, то в глухих уголках Чукотки. Тогда ему было неизвестно, что белые медведи регулярно пересекают чукотские горы, возвращаясь из Берингова моря, куда их заносит на льдинах к себе в родной Ледовитый океан. Отклик его невероятное предположение нашло. С тех пор на Чукотке не раз возникали слухи об Очень Большом Медведе.

С нашествием белых медведей на поселок Марково, что в среднем течении реки Анадырь, я столкнулся несколько лет назад и убедился, что они могут наводить ужас своим свирепым поведением не только на пастухов — даже вооруженные охотники порой бывают не в силах с ними справиться. На озере Эльгыгитын, где искал необычного зверя Олег Кубаев, мне не довелось повстречать белого полярного бродягу, но в результате этого путешествия я окончательно пришел к выводу, что никакого иного, кроме белого Большого Медведя, и быть не могло в чукотских горах.

Того же мнения придерживался и С. М. Успенский, известный специалист по белым медведям. С этим согласился и Ф. Р. Штильмарк, написав положительную рецензию на мою книгу. Но когда рукопись пошла в производство, Феликс Робертович показал мне письмо Сиволова.

— Конечно, — смущенно прокашливаясь, размышая при этом он, — письмо надо бы отправить на консультацию профессору Верещагину, нашему главному специалисту. На Камчатке я не был, с медведями тамошними незнаком, да и заявление на первый взгляд выглядит фантастично: среди так хорошо изученных животных и вдруг — неизвестный науке вид! Но... Чем, как говорится, черт не шутит. Вдруг этот крикун и есть тот самый громадина, которого искал в горах Чукотки Олег Кубаев!

Теперь мне известно (письмо Сиволова я получил два года назад), что профессор Верещагин, опубликовав ответ на это письмо в журнале «Охота и охотничье хозяйство», начал прежде всего с рассказа о том, как к нему в Зоологический институт АН СССР в Ленинграде почти ежедневно звонят, пишут, приходят люди, «тронутые реликтовым зудом». Один пожилой инженер на полном серьезе уверял, что знает и видел сам небольшого «динозавра метра полтора толщиной», уползавшего в расщелину обрыва речки Оредеж, к западу от Ленинграда. Другой — корреспондент какой-то многотиражки — доказывал полную достоверность обитания крокодила в водоемах и прибрежных кустарниках на Южном Урале и в Башкирии. Третий — из Челябинска — страшно разబделся и перестал писать, когда профессор осмелился не поверить его заверениям, что в озерах правобережья Иртыша за Тобольском живет то ли бегемот, то ли морж. А бывший начальник геологоразведки с пеной у